

Из истории истории науки

В. С. КИРСАНОВ

ВОЗВРАТИТЬСЯ К ИСТОКАМ?

(Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932—1938 гг.)

Вводные замечания

В последнее время мы наблюдаем медленное, но верное возрождение гуманитарных наук — и среди них — истории науки. Высказываются даже мнения, что будущий XXI век будет свидетелем расцвета и лидерства гуманитариев в общем процессе развития научных знаний. Такое мнение имеет веские основания, но прежде чем (или вместо того, чтобы) обсуждать вероятные прогнозы, я хотел бы обратиться к прошлому в надежде выяснить, чем же, на самом деле, можно объяснить длившийся десятилетия застой, в частности, в области гуманитарных наук и что полезного может вынести для себя историк науки из такого анализа.

Здесь я хотел бы пояснить, что отношу историю науки к области гуманитарного знания, т. е. не считаю историю физики, математики, биологии и т. д. частью соответственно физики, математики или биологии, хотя историк науки, безусловно, должен профессионально разбираться в специальных вопросах той области знания, историей которой он занимается. Но пафос его исследования иной, чем у физика или математика, как совершенно иные и его цели и результаты. Они выходят за рамки данной науки, зато история науки может ответить на другой, значительно более общий вопрос — как возникает конкретное знание, как оно само и процесс его возникновения соотносятся с культурой общества, его экономическими, политическими и религиозными характеристиками. С этой точки зрения, история науки может считаться частью философии, хотя я сам склонен рассматривать ее как пограничную дисциплину между естествознанием и философией.

Второе мое замечание, связанное с первым, касается отношения к истории науки со стороны профессионалов в специальных областях естествознания, которое характеризуется, в общем, снисходительной и даже презрительной компонентой. Такое положение вещей существует и в нашей стране и на Западе, ибо определяется путаницей в дисциплинарном статусе: специалисты каждой науки, как правило, считают историю своей науки частью ее, причем частью наименее престижной, заниматься которой — удел тех, кто не способен добиться чего-либо действительно существенного. С другой стороны, гуманитариям труды историков науки часто недоступны из-за специфических трудностей, связанных с профессиональным обсуждением той или иной области естествознания. Правда, специалисты самого высокого класса (от Кеплера и Лейбница до Вернадского и Де Бройля), ученые, создавшие в науке нечто фундаментально новое, как правило, всегда ценили историю науки, рассматривая ее как неотъемлемую часть научного знания или даже шире — культуры человечества в целом.

Обратимся теперь к ситуации, сложившейся в советской гуманитарной науке за последние десятилетия. Период между концом гражданской войны и началом Отечественной характеризуется общим пренебрежением государства к фундаментальной науке, будь то науки естественные или гуманитарные. Оплата труда ученых оставалась непростительно низкой, что в некоторой степени компенсирова-

лось относительной свободой творчества. Нередки были зарубежные командировки, и лучшие наши физики и математики могли подолгу работать в научных сообществах Копенгагена, Геттингена и др. Впоследствии оказалось, что именно они, прошедшие научную школу в обстановке свободного творческого общения, и составили золотой фонд советской науки. С начала 30-х годов особенно резко протекает процесс огосударствления науки, постепенно ограничивается творческая свобода и свобода профессионального общения, ужесточаются требования к цензуре и секретности. В 1934 г. государством определяется формальный статус ученых, вводятся степени кандидатов и докторов наук, а также звания доцента и профессора. Атмосфера военных лет только способствовала усилению государственного контроля над наукой. Победа в Отечественной войне, в немалой степени связанная с достижениями военной техники, успешная разработка атомного оружия в СССР обусловили изменение отношения государства к науке в целом, в том числе и к фундаментальной. В результате правительством было принято знаменитое «Постановление о коренном улучшении быта ученых» (1946), которое резко изменило социальное положение научных работников, особенно специалистов в области физико-математических и технических наук. Зарплата кандидата наук в те годы в 2—3 раза превышала среднюю зарплату рабочего, а зарплата доктора наук — в 4—5 раз. Профессия физика стала столь же престижной, как в предвоенные годы профессия летчика или конструктора военной техники. Значительно возросло и число различных физических институтов, главным образом неакадемических, а следовательно, и число рабочих мест в этих учреждениях. В то же самое время в гуманитарных институтах Академии наук (а других практически и не было) число потенциальных вакансий было ничтожно мало, уступая на несколько порядков количеству таковых в институтах естественного профиля, не говоря уже о том, что престиж гуманитарной профессии был неизмеримо ниже, чем физика, химика или инженера. Все это дало повод Борису Слуцкому написать впоследствии:

Что-то физики в почете,
что-то лирики в загоне —
дело не в простом расчете,
дело в мировом законе.

А результатом «мирового закона» оказалось то, что вся наиболее талантливая молодежь ринулась в естественные и технические вузы, в гуманитарные же шли, главным образом, те, кто не мог рассчитывать на то, чтобы выдержать высокий конкурс (с той оговоркой, что и тут и там были и просто целеустремленные люди). Этот процесс продолжался по меньшей мере 20 лет — с середины сороковых до середины шестидесятых годов — и привел к почти повсеместному и полному упадку гуманитарной науки. Наконец, даже те немногие настоящие таланты, которые выбирали профессию гуманитария, руководствуясь сильнейшим внутренним побуждением, оказывались в конце концов в изоляции, в интеллектуальном вакууме, кроме того они находились под постоянным и враждебным идеологическим давлением.

Идеологическое давление и цензура являлись общими для всех областей советской науки. В разное время под идеологический пресс попадали разные ее области: наиболее известны разгром советской биологии на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., произведенный Лысенко; кампания против теории резонанса в химии и неприятие кибернетики. Но в гуманитарных науках этот пресс не ослаблял своего давления ни на минуту, а со временем сила его даже росла. В качестве главного рычага принуждения и регламентаций в науке была выбрана философия (интересно, что в гитлеровской Германии эту роль выполняла медицина), и философия первой испытала на себе опустошающее воздействие авторитарного диктата.

Все это не могло не сказаться на отношении к общественным наукам со стороны наиболее талантливой части ученых, занимающихся математикой и естествознанием, особенно, в послевоенные годы. «Естественный отбор», который шел

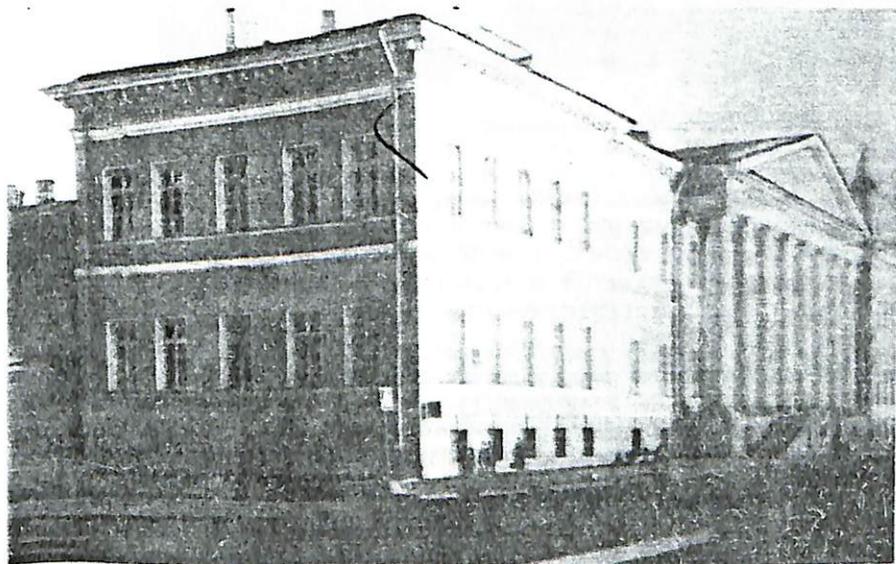
в общественных науках, равно как и демагогический, командный характер исследований, навязанный обществоведам и гуманитариям, привел, в конце концов, к тому, что физики и математики стали пренебрежительно относиться к философии и гуманитарным наукам, а некоторые даже иногда высказывались в таком духе, что могут разбираться в проблемах гуманитарных наук лучше, чем сами гуманитарии.

Для тех немногих философов, историков, экономистов и филологов, которые ценою героических усилий продолжали оставаться на высоком профессиональном уровне, такое отношение безусловно выглядело оскорбительно, и оно вызвало в этой среде в послевоенные годы соответствующую реакцию, оформившуюся во враждебность к естественным наукам. Мне кажется, что наблюдавшееся в конце доперестроечного периода (и продолжающееся по сей день) падение престижа естественных и технических наук (в частности, катастрофическое снижение конкурса в технические вузы) в немалой степени является одним из следствий этого процесса.

Но в начале его — конце 20-х — начале 30-х годов — основная шкала ценностей в науке еще не была необратимо нарушена, поэтому многое в организации, целях и результатах исследований гуманитарных наук, в том числе и истории науки, представляется интересным и поучительным.

Создание Института истории науки и техники АН СССР

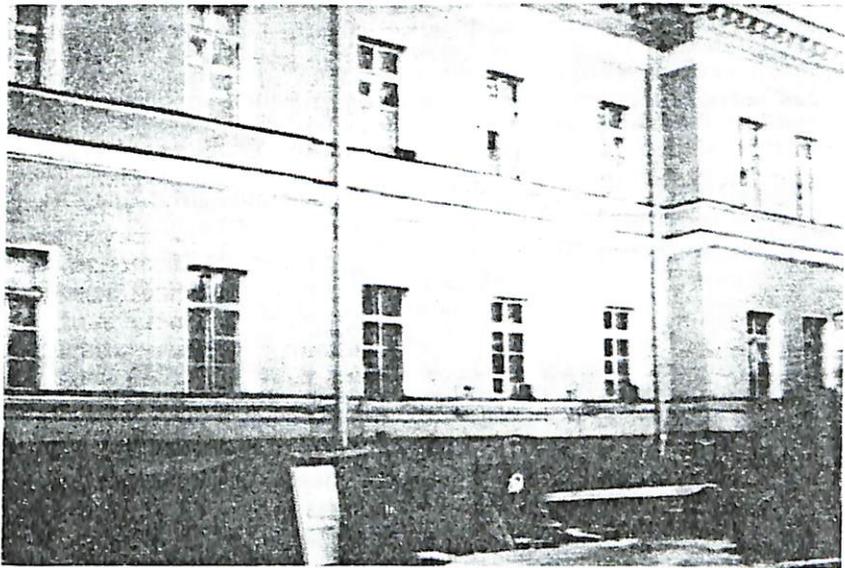
Институт истории науки и техники АН СССР был организован 28 марта 1932 г. по постановлению Общего собрания Академии наук СССР. Можно, конечно, считать годом рождения института 1921 г. — год образования по инициативе академика В. И. Вернадского Комиссии по истории знаний, но, во-первых, эта комиссия начала фактически работать лишь в 1926 г., во-вторых, «как и все старые академические комиссии, Комиссия по истории знаний, сокращенно именовавшаяся КИЗ, вела работу в достаточной мере случайно, без заранее выработанного плана, причем, работа эта заключалась, главным образом, в устройстве заседаний, на которых заслушивались те или иные доклады, посвященные отдельным вопросам истории науки, преимущественно биографического характера» [1. с. 226].

Главное здание Академии наук в Санкт-Петербурге (вид с Университетской набережной). Здесь на верхнем этаже правого крыла помещался в 30-е гг. Институт истории науки и техники АН СССР. Современный вид. Фото В. С. Кирсанова

Создание Института было одним из результатов начавшегося в конце 20-х годов огосударствления науки. До той поры Академия наук была организацией в значительной мере автономной, до 1929 г. среди членов Академии не было ни одного члена ВКП(б). В 1930 г. в Академии вводится новый устав, согласно которому ей вменяется в обязанность направлять «всю систему научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя» [2, с. 178]. Число членов Академии и ее сотрудников резко увеличивается, в нее вводятся члены партии, возрастает число академических институтов и тогда-то и создается Институт истории науки и техники (ИИИТ).

Остановимся теперь более подробно на документах и фактах, относящихся к созданию Института. Первое время Институт истории науки и техники помещался в том же здании, что и Библиотека Академии наук (Биржевая линия, дом 1), но впоследствии (не позднее весны 1933 г.) переехал в главное здание Академии наук (Университетская набережная, дом 5), там он занимал несколько комнат третьего этажа. Вход в институт находился во дворе здания.

Главное здание Академии наук в Санкт-Петербурге (вход со двора). Вход в Институт истории науки и техники АН СССР. Современный вид. Фото В. С. Кирсанова

В конце 1930 г. Н. И. Бухарин, недавно выбранный академиком в числе первых восьми членов ВКП(б), вошедших в реорганизованную Академию наук, сменил академика В. И. Вернадского на посту председателя КИЗ. Им была составлена обширная программа деятельности Комиссии, по существу своему уже предполагавшая создание специального института. В нее включались пункты:

«1) планомерное изучение истории науки всех времен и народов на базе марксо-ленинской методологии с обращением особого внимания на историю научных вопросов, актуальных в общей системе научной работы Советского Союза; 2) планомерное изучение в тех же рамках и теми же методами истории техники, ранее совершенно не входившей в круг работ Комиссии; 3) проработка истории тех вопросов, которыми в их актуальном выражении занимаются другие научные институты, в первую очередь, Академия наук, а затем и стоящие вне ее; 4) создание при Комиссии большого музея истории науки и техники, долженствующего служить, с одной стороны, лабораторией для научной работы Комиссии, с другой стороны — популяризировать эту работу, доводить ее результаты до широких масс; 5) создание при Комиссии соответствующего научного аппарата, в виде библиотеки, библиографических карто-

чек и т. п. Выполнение всех означенных функций, естественно требовало создания более или менее значительного штата, состоящего из специалистов по истории науки и техники и привлечения к работе Комиссии широкого круга не входящих в ее штат, но интересующихся вопросами своей науки исследователей» [1, с. 227].

Несмотря на привычные идеологические штампы и казенную фразеологию, эта программа была вполне реальной, очевидной и в принципе выполнимой. За ее осуществление и взялся организованный Н. И. Бухариным в 1932 г. Институт истории науки и техники АН СССР. Эта программа не потеряла своей актуальности и сегодня. Особенно это относится к идее создания Музея истории науки, который и был организован в бухаринском институте [4], т. к. уже в хронике за 1933 г. читаем:

«Музей Института за отчетный год испытал решительный сдвиг в работе — после продолжительных хлопот он получил специальное, сравнительно довольно обширное помещение митрополичьих покоев б. Александро-Невской Лавры, куда и были в июне перевезены все собранные Музеем коллекции и начато их размещение. Работа шла, в основном, над двумя экспозициями — по истории токарного станка и по характеристике науки и техники накануне промышленного переворота. Обе экспозиции удалось довольно значительно продвинуть вперед, причем, вторая, размещенная в двух больших залах, уже близка к завершению. Продолжалась текущая работа по получению и обработке экспонатов; в частности, весьма ценные коллекции поступили из Артиллерийского музея (история огнестрельного и холодного оружия), из музея Института транспорта (история строительного дела, история геодезич. инструментов), из Морского музея (история корабля) и мн. др.» [5, с. 341—342].

В 1934 г. Музей переехал в главное здание АН на Университетской набережной, причем он регулярно пополнялся новыми экспонатами, «некоторые из которых представляют значительный интерес — шеститомный гербарий начала XVIII в., коллекция механических часов XVIII в., ряд физических и химических приборов начала XIX в., весьма богатая коллекция астрономических инструментов с XVII по начало XIX в. и многое другое» [6, с. 616]. После ареста и расстрела Бухарина ИИИТ, а вместе с ним и Музей истории науки и техники прекратил свое существование, и если институт был впоследствии возрожден, то организация музея по-прежнему является первоочередной задачей отечественной науки.

Его создание (как и в целом — реконструкция науки) имело и положительные, и отрицательные стороны. Существование институтов означало возможность дать работу и материальное обеспечение многим молодым исследователям, однако государство ограничивало свободу их творчества, принуждая заниматься теми задачами, которые ему казались в то время первостепенными. Но в начальный период реконструкции ограничительные тенденции были еще недостаточно выражены, и для ИИИТ, расположенного в Ленинграде, перевод в 1934 г. Академии наук в Москву (еще один признак централизации!) означал возможность большей автономии. Историей техники занимались в то время и в Москве — исследователи во главе с А. А. Зворыкиным и Т. И. Райновым, которые группировались вокруг организованного Бухариным журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («Сорена»); показателем же ленинградского «вольнодумства» тех дней может служить их отношение к москвичам: «как всегда ленинградцы считали, что в Москве халтурно работают. Это было общепринято, что экспериментам московским верить прямо так нельзя, а пишут они, не зная литературы. Особенно не нравился всем журнал „Сорена“» [3].

Поэтому, хотя номинально во главе Института истории науки и техники стоял «москвич» Н. И. Бухарин, институт был истинно ленинградским, и на самом деле всем происходящим в нем распоряжался ученый секретарь-«ленинградец» Матвей Александрович Гуковский. Этот был человек блестящей эрудиции и большого организаторского таланта. Несколько позже мы вернемся к более подробному рассказу о нем.

Идеологи реконструкции основное свое внимание сосредотачивали на проблемах техники, это не могло не сказаться на планах и задачах нового института, где проекты по истории техники занимали едва ли не основное место.

Организационно новый Институт подразделялся на ряд секций: истории техники (председатель — академик В. Ф. Миткевич), истории физики и математики (председатель — академик С. И. Вавилов), истории агрокультуры (председатель — академик Н. И. Вавилов), истории биологии (председатель — академик Б. А. Келлер), истории Академии наук (председатель — академик С. Ф. Ольденбург). Идея организовать также и секцию истории химии не осуществилась «ввиду неудачи попыток Института создать более или менее значительное ядро химиков, работающих над историческими вопросами» [1, с. 228]. Кроме того, в состав Института входила музейная группа и так называемый Кабинет, занимавшийся библиографической работой. Директором, как уже неоднократно говорилось, был назначен академик Н. И. Бухарин, заместителем директора — академик А. М. Деборин, ученым секретарем — М. А. Гуковский.

Приведенная справка нуждается в комментариях. Дело в том, что упомянутые академики в штате Института не числились, они осуществляли руководство секциями на общественных началах. Некоторые из них участвовали в работе Института лишь номинально. Исторически наиболее старой и наиболее сильной была секция истории техники. Это «была группа сильная, по тем временам молодых людей: Цейтлин, Раскин, Забаринский, Радовский. Номинально ими руководил Миткевич, но реально в институте он никогда не бывал. Он был занят бесконечными дискуссиями с Френкелем по поводу существования силовых линий поля и так далее. А бывал в институте часто его соратник — Шателен, которого остряки называли Штепселеном — „куда вставишь, там и горит“» [3]. Тем не менее, нельзя недооценивать то, что руководителями Института числились известные всей стране ученые-академики — этим, по сути, обуславливалось само его существование.

Н. И. Бухарин как директор Института должен был заниматься институтскими делами больше, чем кто-либо другой из приведенного выше списка, однако в результате просмотра архивных материалов у меня сложилось впечатление, что роль его сводилась к формулировке весьма общих проблем, а главное — к постоянной административной поддержке сотрудников Института. В этом смысле показательна короткая записка:

В сан. кур. сектор КСУ

Прошу выделить 5 путевок в Теберду для сотрудников ИИИТ, нуждающихся в отдыхе после напряженной творческой работы.

Директор ИИИТ Н. Бухарин [7].

Это единственный документ за подписью Бухарина, который мне удалось обнаружить в архиве. По-видимому, все написанные или подписанные им документы были уничтожены после его ареста (на ряде дел из этого фонда стоит штамп «уничтожено»), но мне все же кажется, что эта записка верно характеризует основную роль Бухарина в Институте: защита, «крыша». (Существует также любопытная открытка, посланная Дебориным Гуковскому. В ней Деборин сообщает, что «Н. И. собирается на несколько дней в Ленинград и спрашивает, что нового в институте?» [8]).

Посмотрим теперь, из кого же в действительности состоял Институт в первый год своего существования. Ответ дает следующий документ:

Список штатных сотрудников ИИИТ

ФИО	должность	зарплата
1. Гуковский М. А.	ученый секретарь	215 р.
2. Боричевский И. А.	научн. сотр. 1 разряда	225 р.
3. Чернов С. Н.	научн. сотр. 1 разряда	225 р.
4. Каменский В. А.	научн. сотр. 1 разряда	275 р.
5. Радовский М. И.	научн. сотр. 2 разряда	175 р.
6. Раскин Н. М.	научн. сотр. 2 разряда	150 р.
7. Забаринский П. П.	научн. сотр. 2 разряда	150 р.

8. Машкилейсон С. С.	научн. сотр. 2 разряда	150 р.
9. Буткевич М. Н.	научн.-техн. сотрудник	115 р.
10. Тымянская П. А.	секретарь	150 р.

Список договорных сотрудников ИИИТ

1. Ростовцев И. А.	научн. сотр. 2 разряда	200 р.
2. Цейтлин Е. А.	научн. сотр. 2 разряда	200 р.
3. Архангельский П. Ф.	научн. сотр. 2 разряда	200 р.
4. Ростовцева О. А.	научн.-техн. сотрудник	125 р.
5. Сергеенко М. Е.	уч. секр. секц. агрик.	235 р.
6. Вознесенский С. В.	историк-консультант	350 р.
7. Шеголев П. П.	историк-консультант	350 р.
8. Лурье С. Я.	историк-математик	250 р.
9. Лисюгин А. Я.	уч. секр. секц. ф.-м. н.	250 р.
10. Роках Я. А.	тех. ред. Трудов ИИИТ	250 р.
11. Тиханова М. А.	научн. сотр. 1 разряда	300 р.
12. Коваленко В. П.	машинистка	75 р.
13. Чернов С. Н.	научн. сотр. 1 разряда	125 р.
14. Боричевский И. А.	научн. сотр. 1 разряда	125 р.
15. Каменский В. А.	научн. сотр. 1 разряда	125 р.
16. Радовский М. И.	научн. сотр. 2 разряда	175 р.
17. Раскин Н. М.	научн. сотр. 2 разряда	150 р.
18. Забаринский П. П.	научн. сотр. 2 разряда	150 р.

февраль 1933 г.

Ученый секретарь ИИИТ
М. А. Гуковский [9].

Список этот поучителен по нескольким причинам. Во-первых, из него следует, что институт был очень маленьким: в его штате находились всего семь (!) научных сотрудников. Для сравнения напомним, что в нынешнем Институте истории естествознания и техники трудятся более 170 ученых. Такой раздутый штат гуманитарного института отражает многолетнюю тенденцию к экстенсивному развитию науки в нашей стране в ущерб ее качеству. К слову сказать, существующие на Западе институты истории науки по своему составу соответствуют примерно ИИИТ 30-х гг., т. е. имеют 8—12 постоянных сотрудников (таковы, например, институты истории науки в Орхусе (Дания), в Брауншвейге, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Гамбурге (Германия), в Торонто (Канада), во Флоренции (Италия) и т. д.; во многих странах при институте имеется и музей истории науки, как это было в ленинградском ИИИТе. Итак, в штате ИИИТа было семь научных сотрудников и еще девять работало на договорных началах. В дальнейшем численность института, естественно, возросла.

Второе, что обращает на себя внимание, это то, что со всеми штатными сотрудниками института были заключены договоры, т. е. все они получали дополнительную зарплату. Этот факт весьма показателен для организационного таланта Гуковского, который полагал, что лучше вдвое заплатить своим постоянным сотрудникам, чем брать на работу вдвое больше людей — признак предпочтения интенсивной качественной работы экстенсивной уравниловке.

И, наконец, третье: сотрудники института в большинстве своем по образованию были историками или филологами. Только один Гуковский, помимо диплома истфака Ленинградского университета, имел еще неполных четыре курса Технологического института. Но это отнюдь не мешало остальным делать блестящие работы по истории математики (С. Я. Лурье), античной науки (И. А. Боричевский), техники (М. И. Радовский, Н. М. Раскин, Е. А. Цейтлин, П. П. Забаринский). Все это как будто указывает на примат гуманитарного образования в работе историка науки, и сегодня мы снова наблюдаем противоположную тенденцию в системе подбора и подготовки специалистов в области истории науки. Приведу только один пример: весной 1989 г. ВАК исключила существовавшую ранее возможность получения степени кандидата (доктора) исторических наук по специальности 07.00.10 — история науки и техники.

«Если нарисовать в плане сам институт, то его коридор шел параллельно Неве и с левой стороны упирался в кабинет директора (где сидел Гуковский), к нему примыкала комната сектора истории техники, затем нечто вроде библиотеки и так называемый кабинет, где сидела дама, жена профессора Тымянского. Был такой красный профессор Тымянский, впоследствии, естественно, расстрелянный. Среди всех этих красных профессоров он был человек интересный. Был он, как и все они, партийный, но в партию пришел из Поалей Цион — была такая коммунистическая еврейская комбинация. Ну, в 37-м или в 38-м его расстреляли. В правой стороне коридора находилась комната сектора истории физики, ее окна выходили на Неву а следующей комнатой был кабинет академика Крылова, комната была угловой с окнами на Неву и на Менделеевскую линию» [3].

Ученые Института

М. А. Гуковский

«Фактически командовал институтом Матвей Александрович Гуковский, специалист по Возрождению, написавший хорошую книгу „Механика Леонардо да Винчи“. Он отсидел, что ему полагалось — пять лет ему дали почему-то. Вернулся, работал в Эрмитаже и умер. Он был человек большой эрудиции, полиглот. Брат его, Григорий Гуковский — литературовед, обладал феноменальной памятью, знал всего „Евгения Онегина“ наизусть. М. А. Гуковский на современный лад был довольно вульгарный социолог, но в свою область он социологию пускать не любил, а считал, что надо пускать ее в технику. Бесспорно, командовал всем Гуковский и командовал неплохо. Вот, заслугой его является „Архив“ (имеется в виду „Архив истории науки и техники“ под таким названием выпускались труды ИИИТа, с 1934 по 1936 год их вышло девять объемистых томов — В. К.), вещь неплохая. Он как-то смог соблюсти пропорцию между отечественной и мировой наукой. Он, по существу, помог Вавилову организовать многотомное издание сочинений Ломоносова. Надо сказать еще, что, так как он занимался механикой, то он очень поддерживал сектор истории физики, очень поддерживал Васильева» [3].

Умное и дипломатичное руководство Гуковского давало возможность сотрудникам Института, несмотря на «стержневое задание», обозначенное темой «Наука и техника на заре капитализма (XVIII в.)», активно заниматься тем, к чему они питали наибольшую личную склонность. Среди таких тем можно назвать и науку Возрождения, и античную атомистику, и электродинамику Фарадея и Максвелла, и древнюю математику, и многое другое, выходящее за рамки XVIII века. Пожалуй, именно эти работы и оказались лучшими публикациями Института.

Более полно о жизни и деятельности М. А. Гуковского в довоенный период мы узнаем из нескольких документов, уцелевших в Архиве АН СССР. Так, в «Жизнеописании Старшего Ученого Специалиста ИИИТ М. А. Гуковского» читаем:

«Родился в 1898 г. в Ленинграде в семье инженера-технолога, который умер в 1934 году, находясь на службе в качестве технического директора треста.

В 1917 году окончил Ленинградскую III-ю классическую гимназию с золотой медалью и поступил в Ленинградский технологический институт. В 1920 году, не оставляя занятий в Ленинградском Технологическом институте, поступил в Ленинградский Государственный университет на исторический факультет. В 1922 году оставил занятия в Технологическом институте, не окончив его.

В 1923 году окончил Исторический факультет Университета и был оставлен при кафедре средних веков. С 1922 по 1925 год служил в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде в качестве сначала научного сотрудника и затем — заместителя ученого секретаря. С 1925 по 1929 год был на технической работе (Импортный отдел АО Севзапторг).

В 1929 году Секцией Научных работников был выдвинут на занятие должности Ученого секретаря Библиотеки АН, освободившуюся после чистки АН, в какой должности пробыл до мая 1933 года.

С 1931 года и по настоящее время работаю в должности ученого секретаря и сначала ученого специалиста, а затем старшего ученого специалиста Института Истории Науки и Техники АН СССР. С 1933 года преподаю курс истории техники в Ленинградском Индустриальном институте и заведу соответствующей кафедрой. С 1935 года специальный семинар по истории в ЛИФЛИ.

По общественной линии занимал ряд выборных должностей почти на всех работах» [10].

Дополнительным источником сведений о Гуковском является «Личный листок

по учету кадров» [11], в котором, кроме прочего, уточняется ряд дат: в Технологическом институте он учился с 1917 по 1919 г. (ушел с четвертого курса); а в университете — с 1919 по 1923 г. Интересно, что в «Листке» повторяется утверждение, что он начал работать в ИИНТе в 1931 г. («по совместительству»), поэтому можно считать, что фактическая деятельность Института началась еще до его формального образования в марте 1932 г.

Производит впечатление сама анкета, содержащая 29 (!) вопросов, бланк которой украшен призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», неизменным для всех тогдашних официальных бумаг. На последний вопрос: «Проходил ли чистку госаппарата?» Гуковский не без гордости отвечает: «Проходил в АО Севзапторг и был безоговорочно оставлен на работе». Может показаться, что он как бы специально подчеркивает свою особую лояльность режиму: так, и в автобиографии он говорит, что был выдвинут на работу в Академии наук на место вычищенного сотрудника. Впрочем, вряд ли за это его можно упрекнуть — ведь список его работ к 1935 г. состоит из названий типа: «Турниры в Италии на исходе Средних веков», «Книга из библиотеки Торквато Тассо», так что подчеркивать свою лояльность он имел основания. Хотя он и поступил в университет уже после революции, круг его работ и пристрастий, а также редкая образованность — он знал греческий, латынь, итальянский и свободно говорил на французском, английском и немецком, определяли его в целом как интеллигента старой школы.

Конечно, надо помнить, что в 30-е гг. марксизм был чрезвычайно популярен, чему примером может служить поразительный успех доклада Б. М. Гессена на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931 г. Доклад этот назывался «Социально-экономические корни механики Ньютона» [12] и в нем вполне серьезно утверждалось, что основой ньютоновых «Начал» является «материальная практика» капиталистического производства. Не следует сбрасывать со счетов и то, что многие сотрудники ИИНТа вполне искренно и сознательно исповедывали марксизм, даже старейшие из них по возрасту — И. А. Боричевский и С. Я. Лурье.

И. А. Боричевский и С. Я. Лурье

Иван Адамович Боричевский, знаменитый в Ленинграде тем, что ходил босиком в любую погоду (свидетельство Л. С. Полака), был общепризнанным авторитетом по Эпикуру, но свою первую работу написал о Плеханове в 1916 г. и еще в 1912 г. принимал участие в студенческом движении. С очаровательной непосредственностью пишет он в своей автобиографии, что почти десять лет преподавал в Ленинградском университете философию, а после закрытия по всей стране в 1929—30 гг. исторических факультетов в университетах стал преподавать историю атеизма в Ленинградском историко-лингвистическом институте [13].

Соломон Яковлевич Лурье, выдающийся филолог, историк и историк науки, один из немногих сотрудников ИИНТа, кого миновали волны сталинских репрессий, также упоминает в своем *Curriculum vitae*, что, будучи гимназистом V класса, пережил высылку отца на Кольский полуостров за призыв к вооруженному сопротивлению полиции. Впоследствии участвовал в нелегальных кружках «Бунда» и был редактором нелегальной гимназической газеты «Новая жизнь» [14].

Закрытие исторических факультетов Соломон Яковлевич пережил не столь болезненно, как Иван Адамович: не имея возможности заниматься филологией и историей, Лурье закончил краткосрочные курсы для учителей математики и в течение трех лет преподавал алгебру и аналитическую геометрию в техникуме, чем и зарабатывал себе на жизнь.

«Занятия математикой, — пишет С. Я. Лурье, — дали мне возможность более углубленного занятия историей античной математики и математики, непосредственно примыкающей к античной (Брадвардин, Кавальери, Торричелли). В 1932 г. я напечатал в *Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik* большое исследование о теории бесконечно малых у древних атомистов и был приглашен в число сотрудников Института истории науки и техники Академии наук сна-

чала в качестве ученого специалиста, а затем — в качестве штатного старшего ученого специалиста» [15]. Так приобретенная по несчастному случаю специальность превратилась в одну из главных линий творчества С. Я. Лурье, которая не прерывалась до самой его смерти.

В 1933—34 гг. Институт пополнился рядом новых сотрудников, среди которых надо особо отметить М. Я. Выгодского, Г. Э. Гарига, С. Ф. Васильева и Л. С. Полака. Вклад каждого из этих людей в историю науки столь значителен, а судьба их столь трагична, что необходимо остановиться на каждом из них подробно.

Герхард Гариг

Герхард Гариг (Gerhard Harig) — немец, эмигрировал в Советский Союз после прихода к власти Гитлера. Он был профессиональным физиком, который впоследствии стал философом-марксистом и историком науки. Его юность совпала со временем Веймарской республики в Германии, он изучал физику в университетах Вены и Лейпцига и закончил Лейпцигский университет, получив степень доктора философии за диссертацию по экспериментальной физике. С 1927 по конец марта 1933 г. Гариг работал ассистентом Института теоретической физики в Аахене, и именно тогда у него возникает интерес к истории науки — он берется за написание биографий физиков для энциклопедического словаря Брокгауза. За время работы в институте он сближается со своими коммунистически настроенными коллегами, группирующимися вокруг «Общества друзей новой России», и в 1933 г. вступает в коммунистическую партию Германии, активно участвует в подпольной работе. Еще до прихода Гитлера к власти ему становится ясно, что из-за его коммунистических убеждений жить и работать в Германии ему опасно, и в результате двухлетней переписки с академиком А. Ф. Иоффе он получает приглашение приехать для научной работы в Ленинградский физико-технический институт. В октябре 1933 г. ему удается приехать в Ленинград, где он становится экспериментатором в отделе ядерной физики ФТИ. Несмотря на то, что его работа в отделе шла успешно и он уже опубликовал статью в *Physikalische Zeitschrift der Sovietunion*, интерес к истории науки начинает занимать в его работе главное место. Он приходит в ИИИТ в апреле 1934 г., когда с ним заключают «договор на разработку темы „Физика XVI века“ сроком на 6 месяцев» [16]. Но уже к концу 1934 г. он становится штатным сотрудником института в должности ученого специалиста (к этому времени была расширена градация должностей в системе АН, к прежним были добавлены должности «специалиста» и «старшего специалиста») [17]. Результаты своих исследований по договорной теме Гариг публикует в «Архиве»: «Спор Тартальи и Кардано о кубических уравнениях» (вып. VII) и «Статика Кардано и Тартальи» (вып. IX), которые составляют основу его законченной в 1935 г., но неопубликованной монографии «Математические и механические работы Тартальи и Кардано и их социальная база». В отчете Института эта книга Гарига упоминается наряду с монографией Гуковского «Механика Леонардо да Винчи» как наиболее существенные достижения физико-математической секции [18. с. 476]. Работы Гарига по математике и механике позднего Возрождения не потеряли своего значения и по сей день. В отечественной литературе этот вопрос не исследовался на столь высоком уровне. В этих работах Гариг основывается на изучении итальянских и латинских первоисточников, обширно цитируя их в своих переводах и обнаруживая детальное знакомство с самой современной историко-научной литературой по этой теме на итальянском, немецком, французском и датском языках. Гариг дает исчерпывающий анализ работ Тартальи и Кардано, полемизируя в ряде моментов с такими выдающимися исследователями, как Дюэм или Цейтен. Среди других работ, опубликованных Гаригом в Советском Союзе, укажем на превосходную научную биографию Максвелла (АИИТ, VI), статью «Ленин и физика», опубликованную в сборнике «Памяти В. И. Ленина» (1934), а также ряд содержательных рецензий в том же «Архиве».

Тем не менее столь плодотворно начавшаяся деятельность в Советском Союзе окончилась трагически. Как говорится в очерке жизни, приложенном к изданию его трудов в ГДР, «годы продуктивной научной деятельности были прерваны, когда Гариг в марте 1938 г. предпринял переход на нелегальную политическую работу в фашистской Германии» [19, с. 112]. На самом деле он был просто выслан из СССР (практически — выдан гестапо) под предлогом создания в Третьей рейхе коммунистической пятой колонны, и гитлеровцы были об этом прекрасно осведомлены, ибо не успел пароход с Гаригом войти в штеттинский порт, как он немедленно был арестован поднявшимися на борт агентами гестапо. Его жена и трехлетний сын остались в Ленинграде практически без средств к существованию: в архиве хранятся копии писем, которые жена Гарига безуспешно рассылала в издательства в надежде получить причитающийся ее мужу гонорар, так как оказалась в крайне стесненном материальном положении. Лишь в 1948 г. они с сыном смогли уехать в ГДР.

Герхард Гариг сначала был заключен в лейпцигскую тюрьму, а осенью 1938 г. переведен в концентрационный лагерь Бухенвальд. В апреле 1945 г. он был освобожден советскими войсками вместе с 21000 других заключенных и возвратился в Лейпциг. С этого момента начинается новый этап в жизни и деятельности Гарига, отмеченный крупными достижениями в его общественно-политической карьере.

Он становится одним из наиболее высокопоставленных чиновников ГДР, определяющих политику партии и государства в области образования и науки. В 1948 г. для него учреждается в Лейпцигском университете кафедра диалектического и исторического материализма, и он становится, как подчеркивается в его биографии, «первым немецким ученым, получившим звание профессора марксистско-ленинской философии» [19, с. 124]. Наконец, в конце 1950 г. отдел в Министерстве народного образования ГДР, которым он руководил, преобразуется в отдельное министерство — государственный секретариат по делам высшей школы, и Вильгельм Пик назначает Гарига его главой. Так Гариг становится статс-секретарем и членом Совета Министров ГДР.

Что касается истории науки, то в послевоенные годы Гариг практически уходит от исследовательской работы, целиком отдавшись научно-организационной деятельности. В этой области ему принадлежат значительные заслуги: в 1951 г. он становится руководителем реорганизованного Института им. Карла Зудхоффа, который теперь превращается в центр исследований не только по медицине, но и по истории естествознания, а в 1960 г. Гариг вместе с Александром Метте основывает новый журнал по истории естествознания, техники и медицины *NTM*.

С. Ф. Васильев

Имя Сергея Федоровича Васильева лишь вскользь упоминается в «Архиве». В хронике работы Института за 1933 г. говорится, что «к работе секции истории физики и математики в качестве постоянных сотрудников Института были привлечены как крупные историки науки (М. Я. Выгодский, З. А. Цейтлин, С. Ф. Васильев), так и сравнительно молодые исследователи (Л. С. Полак, А. А. Елисеев), составившие единый коллектив, приступивший к работе над стержневой темой — историей возникновения и первых шагов основных воззрений классической математики, механики и физики» [5, с. 339]. (Отметим, что имя З. А. Цейтлина, автора известной биографии Галилея, в списке сотрудников Института не значится, не упоминает его и Полак в своих воспоминаниях об Институте.) В другом месте С. Ф. Васильев упомянут в связи с тем, что «секция истории физики и математики приступила в 1934 г. к большому исследованию по „Истории атомистики“. Работа эта, ведущаяся под руководством А. М. Деборина и С. Ф. Васильева, довольно значительно продвинулась в своей реализации» [6, с. 614]. По-видимому, с этого времени и началось тесное сотрудничество Васильева с ИИИТом, может быть даже, что к 1935 г. он переехал в Ленинград или же стал

там очень часто бывать. Во всяком случае, в 1934 г. он еще числился москвичом. В справочнике «Научные работники Москвы» читаем:

«Васильев Серг(ей) Ф(едорович) доц(ент) II МГУ, н(аучный) сотр(удник) н(аучно)-и(сследовательского) ин(ститута), н(аучный) сотр(удник) И(нститу-та) научной философии РАНИОН, ст(арший) руков(одитель) Военной академии; философия, методология естествознания. Ул. Кропоткина 28, кв. 18. Тел. 3-38-63. (20.IX.98. Опочка, Псковск(ой) губ(ернии)» [20].

По воспоминаниям Л. С. Полака, который поступил в аспирантуру ИИНТа в декабре 1933 г., С. Ф. Васильев — один из ведущих ученых Института, заместитель С. И. Вавилова по руководству Секцией истории физики и математики:

«Фактическим начальником был Сергей Федорович Васильев (а формальным, хотя и не совсем формальным — С. И. Вавилов. Ведь он не был еще никаким президентом, он был очень скромный человек, был вполне доступен и даже мог рассуждать на тему, что они с Семеновым были офицерами — что тогда считалось не очень хорошим). Васильев представлял собой интересную фигуру. Он имел касательство к Институту красной профессуры, куда попал, в конце концов, после Гражданской войны. Имел какое-то незаконченное высшее образование, знал немецкий (а также французский — В. К.) язык. Он был, как мы сейчас назвали бы, методологом, работал на грани науки и философии. Он писал статьи и о философии науки Мейерсона. Ему мы обязаны изданием лучшей до сих пор истории физики Розенбергера. Лучше никто не сделал — ни Таннери, ни Дорфман. Играл на скрипке вместе с Френкелем Яковом Ильичом всякие там дуэты. Человек был безусловно мягкий. Был сопричастен к каким-то партийным оппозициям, поэтому, когда началась первая волна арестов, его отправили парторгом Прибалхашстрой. Парторгами были партийные руководители, назначавшиеся ЦК в низовые организации — чтоб не возиться там с выборами, я так понимаю. Вот был такой Прибалхашстрой, туда его отправили парторгом, а оттуда уже взяли и ликвидировали. Вот все, что могу сказать о нем. Фигура безусловно положительная» [3].

С. Ф. Васильев был одним из главных пропагандистов изучения истории науки, которое затем привело к такому огромному всплеску интереса к этому предмету в конце 20-х — начале 30-х гг. Ничего похожего больше в нашей стране не наблюдалось: в те годы за короткий отрезок времени были опубликованы все самые лучшие книги по истории науки — трехтомник «Истории физики» Ф. Розенбергера, трехтомная «История научной литературы на новых языках» Л. Ольшки, «Исторический очерк развития естествознания в Европе» П. Таннери, книги серии «Классики естествознания» и многое другое. В издании этих книг самое деятельное участие принимал Васильев (как редактор, автор предисловия или переводчик). Сошлюсь для примера на книгу Декарта «Космогония», вышедшую в 1934 г. в серии «Классики естествознания», где вводная статья и примечания Васильева занимают почти половину объема — 125 страниц из 324. Отмечу также и статью «Теория науки Эмиля Мейерсона» [6, с. 57—100], упоминающую Полаком; это едва ли не единственная содержательная отечественная работа о творчестве выдающегося французского мыслителя. По моему мнению, она оказала влияние на мировоззрение крупного советского философа и историка науки Б. Г. Кузнецова, который сформировался как философ уже в послевоенные годы.

М. Я. Выгодский

Меньше, чем Гариг и Васильев, был связан с ИИНТом Марк Яковлевич Выгодский, выдающийся советский математик, с именем которого связано возникновение советской школы истории математики. «Огромное значение для развития работ по истории математики в нашей стране имел организованный С. А. Яновской и М. Я. Выгодским в Московском университете специальный научно-исследовательский семинар. Этот семинар вскоре стал основным центром, объединяющим большинство историков математики Советского Союза» [21, с. 127—128]. Выгодский становится сотрудником ИИНТа в ноябре 1933 г., и в списке, датированном концом 1934 г., он числится одним из трех старших специалистов института [22]. Не вызывает сомнений, что присутствие Выгодского самым положительным образом сказалось на работе коллектива ИИНТа, хотя, конечно, эта

работа была для него не единственной, и не самой главной. В начале 30-х годов Выгодский занимал много высоких должностей — он был директором Института математики МГУ, вице-президентом Московского математического общества, главным редактором Гостеортехиздата [23]. Как и Васильев, М. Я. Выгодский был горячим пропагандистом истории науки в нашей стране, при его непосредственном участии были изданы классические исследования Ф. Клейна («Лекции о развитии математики в XIX столетии»), Г. Г. Цейтена («История математики в древности и в средние века», «История математики в XVI и XVII веках»), И. Кеплера («Стереометрия винных бочек»), Г. Монжа («Приложение анализа к геометрии»). К двум последним книгам им были написаны обширные вступительные статьи, причем его введение к переводу Монжа, опубликованное в виде отдельной статьи «Возникновение дифференциальной геометрии» в VI томе «Архива ИИИТ», представляет собой оригинальное и глубокое научное исследование.

В 30-е годы Выгодский становится объектом нападок со стороны партийных функционеров в науке, против него было возбуждено дело с целью опорочить его поведение во время Гражданской войны. Выгодский был членом ВКП(б) (он и Васильев были единственными членами партии среди сотрудников ИИИТ), и во время Гражданской войны работал в Ростове в большевистском подполье. Ему вменялось в вину то, что он единственный остался в живых из всего ростовского подполья. Однако никаких доказательств, ставящих под сомнение его безупречное поведение, его недоброжелатели представить не смогли, и дело было прекращено. Но оказалось, что такое «доказательство» вскоре представил сам Выгодский: в 1934 г. он публикует книгу «Галилей и инквизиция», одну из лучших в советской истории науки (книга вышла под грифом ИИИТ и явилась результатом работы, проводимой по плану Института). Она получила большую известность в нашей стране, а за рубежом была отмечена медалью Папской академии. Лучшего «доказательства» враждебности Выгодского советскому строю и не требовалось! Он был исключен из партии и снят со всех постов. Выгодский разом выключился из активной деятельности, занявшись преподаванием и составлением математических справочников (впоследствии широко известных), что, собственно, и спасло ему жизнь. С. Е. Аршон, его преемник на посту главного редактора издательства, погиб на второй волне репрессий*.

После войны, в 1945—48 гг. Выгодский вновь стал преподавать историю математики в Московском университете, а с 1950 г. и до своей кончины читал разные математические курсы в Туле, сначала в Педагогическом, а в последние годы в Политехническом институте» [24, с. 126]. В партию он вернуться не захотел.

Л. С. Полак

Лев Соломонович Полак (р. 1908 г.) был самым молодым сотрудником ИИИТ, когда был принят на работу в декабре 1933 г. Он очень активно включился в исследования, и с 1935 г. «Архив» начинает публикацию его статей. В том же году он заканчивает под руководством А. Н. Крылова и С. И. Вавилова кандидатскую диссертацию «Гамильтон и принцип наименьшего действия». В хронике Института он числится аспирантом-докторантом (хотя в списке сотрудников — уже научным сотрудником I разряда [25]), там же приводится отзыв о его труде, где говорится, что «работа эта, анализирующая на первоисточниках генезис, сущность и влияние на дальнейшее развитие науки одного из интереснейших принципов математической физики, несомненно должна быть признана серьезным достижением секции истории физики и математики» [18, с. 476]. Впоследствии в «Архиве» появляются другие большие работы Полака: «Оптико-механическая аналогия Шредингера» (ИИИТ, VIII), «Из истории проблемы эфира» (ИИИТ,

* Обстоятельства дела, связанные с травлей М. Я. Выгодского, сообщены мне Л. С. Полаком, Б. А. Розенфельдом и покойным А. П. Юшкевичем.

IX), «К критике механицизма в физике конца XIX века» (АИИТ, IX). Он становится профессионалом, готовится защищать докторскую диссертацию. Однако защита откладывается на двадцать с лишним лет — в 1938 г. Л. С. Полака арестовывают по ложному доносу, и он выходит на свободу только после XX съезда КПСС [26]. Первое время он работает в Институте истории естествознания, вновь организованном в 1944 г., здесь, наконец, он защищает докторскую диссертацию, посвященную вариационным принципам в механике и физике. В 1957 г. Л. С. Полак переходит в Институт нефтехимического синтеза, его основной работой становятся исследования по плазмохимии. В этой области он добился крупных успехов, став одним из наиболее авторитетных специалистов; до недавнего времени он заведовал лабораторией плазмохимии и был удостоен за свои исследования Государственной премии.

Тем не менее все эти годы история науки не перестает интересовать Л. С. Полака — с конца 50-х годов он бессменный председатель Секции истории физики Советского национального объединения историков науки, инициатор и главный организатор многих конференций по истории физики, член редколлегии серии «Классики науки», где по его инициативе и при активном участии были изданы труды Планка, Шредингера, А. А. Фридмана и Кирхгофа. Под его руководством в ИИЕТе были защищены многие кандидатские диссертации. Как мог заметить читатель, и эта статья своим появлением во многом обязана Льву Соломоновичу, беседы с которым и дали толчок к ее написанию.

«Архив истории науки и техники»

Обратимся теперь к «Архиву истории науки и техники», главному детищу ИИИТа. В задачу этих заметок не входит детальный анализ его содержания, но на ряд моментов мне хотелось бы обратить внимание читателя. «Архив» отмечен особым своеобразием как по существу, так и по конкретным деталям. Во-первых, все статьи снабжены подробными аннотациями на немецком, французском или английском языках, причем это не краткие резюме в несколько строк, а материалы, занимающие нередко по нескольку страниц. Гуковский прилагал много усилий, чтобы советские исследования по истории науки и техники были известны на Западе. Он пытался убедить Дж. Сартона публиковать переводы наших работ в его журнале *Isis* или, по крайней мере, перепечатывать аннотации. Интересен ответ Сартона:

«Дорогой сэръ,

Несколько лет тому назад профессор Блох любезно послал мне ряд заметок о русских публикациях. Я тотчас же понял, что эти публикации по истории науки подразделяются на две категории: (1) небольшую часть, основанную на оригинальных материалах, неизвестных в Западной Европе; (2) большую часть, основанную на западноевропейских публикациях. Я бы с радостью опубликовал в *Isis* название (в переводе) и аннотации публикаций первого рода, но для не-русских читателей мало что даст сообщение о перепечатке в России сведений, уже имеющихся в распоряжении по-английски, немецки или французски. [...]

Ваш Джордж Сартон, 05.11.1933» [27].

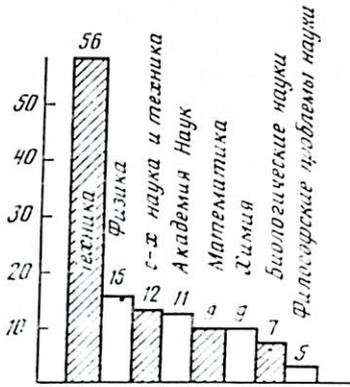
Это письмо написано в то время, когда Сартон еще ничего не мог знать о работах нового института. Однако спустя три года его отношение резко изменилось — он пишет В. И. Вернадскому:

«Позвольте выразить Вам свое восхищение русскими работами, относящимися к истории науки. В этой области Ваша страна показывает пример всему миру. С глубоким уважением,

Дж. Сартон. 8 января 1936 г.» [28, с. 274].

Мне кажется вполне естественным предположить, что такое изменение Сартонем своего мнения объясняется результатами деятельности ИИИТа, в первую очередь, публикациями «Архива».

Таблица 1
Количество публикаций по отраслям истории науки и техники

примерами являются: рецензия С. Ф. Васильева на книгу Хаксли «Научные исследования и социальные нужды» (АИИТ, VI), В. Кагана на книгу Джино Лория «Прошлое и настоящее важнейших геометрических теорий» (АИИТ, III), П. Забаринского на 13-й том «Трудов Ньюкоменовского общества» (АИИТ, V) и многое другое.

Вообще, для авторов рецензий в «Архиве» (в особенности это касается С. Лурье, И. Боричевского, Г. Гарига, М. Выгодского, П. Забаринского и Е. Вольфа) характерно отношение к рецензии, как к полновесной научной статье, которая нередко служит дополнением к их собственным историко-научным исследованиям, обзором, помогающим прояснить наиболее созвучную сегодняшней трактовку той или иной проблемы.

Отмечу, что, как правило, рецензируются книги, только что вышедшие в свет и полученные библиотекой, причем список их также публикуется в каждом томе «Архива». Во многих авторитетных журналах за рубежом подобная практика существует и сегодня.

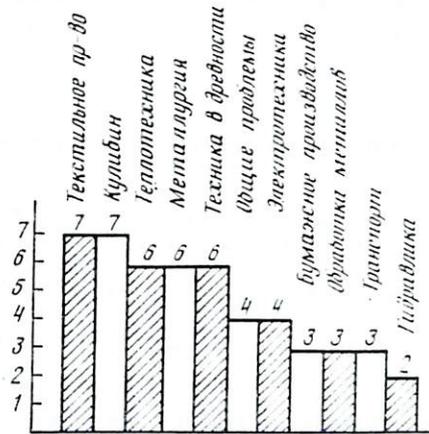
Стоит сказать несколько слов о реакции ИИИТа на работу московских историков техники. Приведенная в начале этих заметок оценка, данная Л. С. Полаком, находит подтверждение в рецензиях «Архива». Так, в V выпуске содержится подробный разбор только что вышедшего сборника «История техники» под редакцией Г. М. Кржижановского и А. А. Зворыкина. В рецензии, подписанной М. Гуковским, А. Радцигом и Я. Рокахом, эта книга подвергается сокрушительной критике. О программной статье сборника «Основные вопросы преподавания и изучения истории техники», написанной А. Зворыкиным, в рецензии говорится:

«Автор не различает в своей статье истории техники от истории науки; методологии, теории техники от ее истории; не разграничивает задач научного исследования, изучения истории техники от задач ее преподавания, т. е. пропедевтического изложения курса этой дисциплины. Более того, задачи истории техники отождествляются в статье с задачами исторического материализма и вообще философии марксизма» [29, с. 601].

Другие статьи сборника, по мнению рецензентов, содержат еще более грубые

Во-вторых, каждый том «Архива» был солидным изданием — средний съём тома составлял 430 страниц, что позволяло печатать подробные рецензии на новые книги и статьи. Большое внимание в разделе рецензий уделялось иностранным книгам: в 1933 г. их было напечатано 6, в 1934 г. — 29, в 1935 г. — 19 и в 1936 г. — 35 рецензий на иностранные книги (преимущественно) и статьи. Нередко такие рецензии вырастали в пространные статьи, в которых содержание книги подробно анализировалось, а критические замечания подкреплялись развернутой аргументацией. Примером может служить рецензия С. Я. Лурье на первый том книги О. Нейгебауэра «Лекции по истории математического знания в античности» (АИИТ, VII), содержащая десять страниц петита с чертежами и математическими выкладками. Другими

Таблица 2
Количество публикаций по отраслям истории техники

ошибки как в методологических установках, так — что наиболее важно — и в конкретном анализе материала. «Мы рассмотрели более или менее обстоятельно все содержание сборника. Итог получается неутешительный», — таков заключительный вывод ленинградцев [29, с. 606]. Подчеркну, что подобная оценка — случай далеко не единственный: в «Архиве», например, серьезные возражения встретила книга Б. Г. Кузнецова (АИИТ, VIII), Ю. Милонова (АИИТ, VII) и других.

Выше уже подчеркивалось, что секция истории техники была самой старой, исторически сложившейся группой, и самой большой по численности. Поэтому и по числу публикаций в «Архиве» она занимает первое место (см. Таблицу 1, в которой обозначено суммарное количество публикаций по различным областям истории науки и техники во всех выпусках «Архива»). Налицо явная диспропорция между исследованиями по истории техники и истории науки. Но эта диспропорция была для Института естественной и оправданной исторически; ученые ИИИТа знали о ее существовании и прилагали усилия к тому, чтобы исправить положение. К сожалению, времени на это им было отпущено немного. В самой истории техники распределение исследований по дисциплинам было значительно более равномерным (Таблица 2).

* * *

История существования ИИИТа может служить наглядным уроком того, что в науке ориентироваться надо не на план, а на человека, на его возможности и талант. Конечно, в ИИИТе в 30-е годы давно «уже составлялись какие-то планы, но они играли роль ничтожную в творческой реализации людей, которые там были. Люди работали раскованно. Была отличная обстановка. Дружеская. И в том числе — между разными поколениями. А вот обсуждения носили очень свободный хаарактер. Может быть, это объяснялось тем, что Боричевский считал себя эпикурейцем, Лурье — демокритеанцем, а Васильев — Карлом Марксом? Конечно, полностью это суть дела не объясняет, но какой-то смысл тут был» [3].

Примечания

- 1 Институт истории науки и техники. Архив истории науки и техники (далее — АИИТ). Л., 1933. Вып. I. С. 225—231.
- 2 Малая советская энциклопедия. 1932. Т. 1.
- 3 Неопубликованная магнитофонная запись беседы с Л. С. Полаком 16 декабря 1988 г.
- 4 См.: *Большакова К. Г.* Из истории Музея науки и техники при ИИИТ АН СССР (1932—1944 гг.). М., 1986. С. 262—269.
- 5 Работа Института истории науки и техники АН СССР в 1933 г. // АИИТ. 1934. Вып. III. С. 337—342.
- 6 Институт истории науки и техники в 1934 г. // АИИТ. 1935. Вып. V.
- 7 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 115. Л. 57.
- 8 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 100. Л. 202.
- 9 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 94. Л. 10. Комментируя этот список, важно отметить, что все сотрудники Института были достаточно молоды: руководителю Института Гуковскому было всего 35 лет (это средний возраст сотрудников), самому молодому (Роснину) было 27, а самому старому (Чернову) — 46 лет.
- 10 Архив АН СССР. Ф. 154. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.
- 11 Там же, лл. 4—5.
- 12 *Гессен Б. М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.-Л., 1934. 77 с.
- 13 Архив АН СССР. Ф. 154. Оп. 2. Д. 14. Л. 11а. Привожу полностью автобиографию И. А. Боричевского:
«Родился в 1892 г. в м. Плунгяны б. Ковенской губернии. Получил образование: среднее — в Шавельской мужской гимназии (1901—1911); высшее — на историко-филологическом факультете б. Петербургского университета (1911—1915). Научную работой занимаюсь с 1913 г. Первая работа — о Плеханове — в 1916 г. В 1918—20 гг. был в научной командировке от Социалистической (позже — Коммунистической) Академии. С 1921 года и до закрытия соответственного факультета в 1930 году преподавал философию в Ленинградском Гос. Университете, где и занимал в 1922—25 годах кафедру истории философии. С 1930 года

преподаю историю атеизма в Ленинградском историко-лингвистическом институте и в Антирелигиозном университете. В общественной работе принимаю участие с 1912 года. Во время пребывания в университете, в студенческие годы был членом местной фракции (объединенной). В 1917 году примыкал к группе г. н. „интернационалистов“. Состоял членом Общества научных марксистов с его основания и членом Общества воинствующих материалистов. С 192[нрзб] года принимаю участие в антирелигиозном движении. Научная специальность — история материализма».

О дальнейшей судьбе И. А. Боричевского мне ничего не известно. По слухам, он пошел добровольцем на финскую войну и там погиб. В последнее время интерес к творчеству И. А. Боричевского возник с другой, совершенно неожиданной стороны. По словам Л. С. Полака, его томские коллеги обратились к нему в надежде получить дополнительные сведения о Боричевском, которого они считают истинным основателем системного подхода в истории философии.

14 Архив АН СССР. Ф. 154. Оп. 2. Д. 25. Л. 9.

15 Там же, л. 10.

16 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 115. Л. 31.

17 Там же, л. 101.

18 Институт истории науки и техники в 1935 г. // АИИТ. 1936. Вып. VIII. С. 473—477.

19 *Narig G.* Ausgewählte philosophische Schriften. Leipzig, 1973. S. 192.

20 Научные работники Москвы (справочник). Л., 1935.

21 *Башмакова И. Г. и др.* С. А. Яновская // ВИЕТ. 1967. Вып. 22. С. 127—28.

22 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154, Оп. 1. Д. 115. Л. 93.

23 Особое положение Выгодского подчеркивается особой формой анкеты, которая в данном случае не просто «Листок по учету кадров», но «Анкета номенклатурного работника». Его *curriculum vitae*, написанное в 1934 г., очень кратко и содержит лишь перечисление должностей: «Родился в 1898 г.; среднее образование закончил в 1916 г., высшее — 1923 г. (матем. отд. МГУ). С 1923 по 1929 г. проходил аспирантуру в МГУ. В 1929/30 г. — профессор Московского хим. техн. института. В 1930—31 гг. — директор научно-исследовательского Института математики и механики МГУ. С 1931 г. — профессор и действительный член этого Института. С 1934 г. — ст. научн. специалист ИИИТ. Узкая специальность — история математики и смежных дисциплин. Член ВКП(б) с 1920 г.» (Архив АН СССР. Ф. 154. Оп. 2. Д. 10. Л. 33.)

24 *Юшкевич А. П. М. Я. Выгодский* // ВИЕТ. 1967. Вып. 22. С. 126—127.

25 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 115. Л. 93.

26 Как следует из архивных материалов (вернее, из их отсутствия), сведения о Л. С. Полаке и его деятельности в ИИИТе были почти полностью уничтожены. Его личное дело (Архив АН СССР. Ф. 154. Оп. 2. Д. 33) содержит всего 7 листов, это — заявления об уходе в отпуск и о возвращении из отпуска. Ни автобиографии, ни листка по учету кадров, не говоря уже о рукописях, не сохранилось.

27 ЛО Архива АН СССР. Ф. 154. Оп. 1. Д. 89. Л. 271.

28 *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. 334 с.

29 *Гуковский М., Радциг А., Роках Я.* История техники // АИИТ. Вып. V. С. 600—607.